

Уважаемые товарищи. Мы начинаем серию публикаций, посвящённых 30-летию массовых шахтёрской забастовки, 30-летию возрождения в стране рабочего движения.

Стоять до конца – нет иного пути. Хочется жить так как нам обещали.

30 лет назад, 11 июля 1989 года, в стране началось возрождаться рабочее движение. Впервые трудящиеся, в лице шахтёров, провели массовые акции протеста, оказались способными осознать свои интересы, сформулировать их в виде требований, провести мобилизацию, скоординировать свои действия и поддержать друг друга.

В настоящее время существует множество мифов и субъективных мнений, которые широко распространяются журналистами, учёными и деятелями всевозможного политического окраса, о причинах, итогах и последствиях массовых шахтёрских забастовок июля 1989 года. Считаем, что представители Независимого профсоюза горняков, являющиеся очевидцами и активными участниками не только тех июльских забастовок, но и последующей борьбы шахтёров за свои интересы, имеют право, а также, достаточно информации и знаний, чтобы дать реальную и объективную оценку произошедших и последующих событиях.

Забастовки шахтёров были реакцией на неграмотное и неэффективное управление правящей партийно-хозяйственной номенклатурой (правящей бюрократией) экономикой и страной в целом. Горняки выступили против присущей бюрократии склонности обращаться с трудящимися, как с фактором производства, неизбежными издержками последнего. Человек не считался высшей и единственной целью этого производства, его потребности можно было игнорировать.

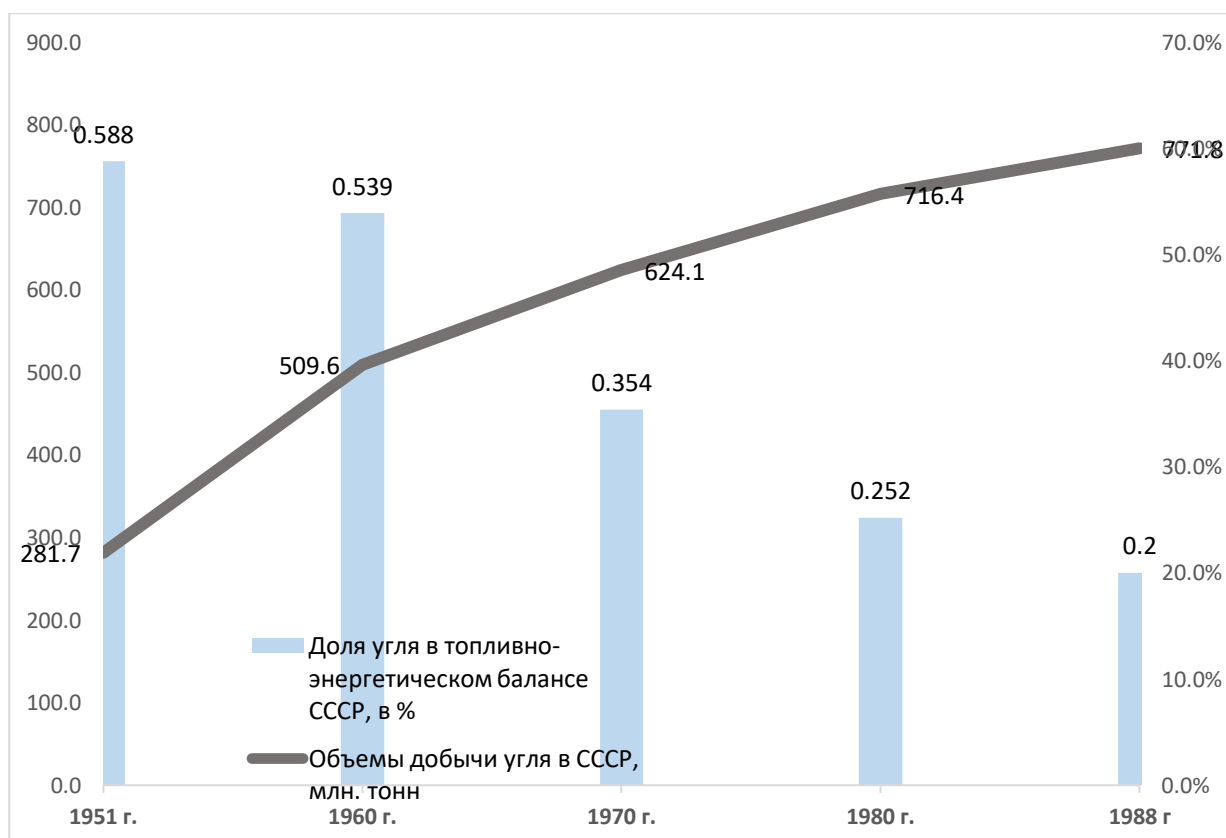
Шахтёры, в Советском Союзе, объявлялись пропагандой самым «передовым отрядом» рабочего класса. Средняя зарплата шахтёров, в 1989 г., составила 373 руб./мес., а кое-где по регионам, например, в Донбассе и Воркуте, и выше, что было куда более высоким доходом, чем у большинства работников предприятий и организаций. Власти были вынуждены существенно повысить шахтёрам заработную плату ещё с середины 50-х г. XX в., когда отказ от использования системы принудительного труда на угледобывающих и горнодобывающих предприятиях создал проблему привлечения на них рабочих рук.

Правящая бюрократия, в условиях плановой экономики, определила угольную отрасль в категорию планово-убыточных. Цены на уголь устанавливались государством. Издержки производства (себестоимость добычи) выше установленной цены покрывались за счет государственных дотаций. Рост объемов добычи угля происходил, в основном, за счет увеличения численности (примерно с 800 тыс. чел. в 1950 г. до 1,7 млн. чел. в 1988 г.), и наращивания количества малопроизводительных шахт. Лишь в 70-х г. XX в. начали внедрять прогрессивные технологии – к 1980 г. около одной трети общей добычи угля подземным способом давали шахты мощностью свыше 1,5 млн тонн угля в год.

В 60-70-е г. XX в. власть начала ориентироваться на увеличение объемов добычи природного газа и нефти, которые становились основным источником валютных

поступлений в страну. Уголь стал вытесняться из топливно-энергетического баланса страны.

Приоритет, отданный нефтегазовой отрасли, в условиях плановой экономики, неизбежно означал значительное сокращение государственных дотаций в угольную отрасль. Это не только замедлило необходимую модернизацию, но и снизило и без того небольшие расходы на социальные нужды в шахтерских регионах, так как отрасль, помимо добычи угля, была обязана строить жилье, социальную инфраструктуру и, зачастую, обеспечивать шахтеров продуктами питания.

Однако бюрократия требовала наращивать добычу угля любой ценой. Несмотря на постоянное снижение доли угля в топливно-энергетическом балансе страны, сокращением денежных поступлений в отрасль, а также, уменьшением потребности в угле в связи с начавшимся в 1985 г. падением уровня промышленного производства. В 1988 г. был достигнут максимальный за всю историю страны уровень добычи – 771,8 млн. тонн.

При этом горно-геологические и производственно-технические условия усложнились, возрастала опасность горных ударов, обвалов, пожаров и выбросов газа. Аварии с человеческими жертвами, о которых не сообщалось в СМИ, стали обычным явлением. Шахты перевели на работу в условия хозрасчета и самофинансирования, хотя большинство из них были планомерно убыточными и дотационными, в связи с установленной в государстве низкой ценой на уголь, который должен был быть дешевой энергией для промышленности.

Когда в июле 1989 г. шахтерам говорили, что забастовки обходятся стране в миллионы рублей, рабочие сердито кивали на гигантские горы поднятого на-гора угля, который слеживается и горит.

Рост производительности достигался, в основном, за счёт увеличения норм выработки – «сегодня рекорд, завтра – норма» и снижения расценок, например, были сняты «коксовые» – доплаты за добычу коксующегося угля.

В период с 1986 по 1989 гг., темпы роста заработной платы шахтёров, по сравнению с темпами роста зарплаты в промышленности в целом, отстали в два раза. Значительную часть зарплаты шахтёров съедала инфляция и спекуляция, процветающая на фоне нищенского снабжения продуктами и товарами широкого потребления.

В регионах резко ощущалась нехватка жилья и всего, что называется социальной инфраструктурой. Например, в одном только шахтёрском городе Междуреченске, где жили тогда 107 тысяч человек, по данным на начало 1989 г., более 10 тысяч семей стояли в очереди на получение жилья. Экологическая ситуация, связанная с промышленным загрязнением, стала угрожающей.

Существенным раздражающим фактором стали коррупция и привилегии местной партийно-хозяйственной номенклатуры. Эти проблемы, конечно, не были открытием, однако, они стали просто невыносимыми в условиях объявленной в стране «гласности и перестройки», сопровождающейся снижением жизненного уровня большинства населения, при сохранении уровня жизни правящей бюрократии.

Страсти бурлили во многих лавах и забоях, во время «тормозков», на природе или кухнях, во время «бутыльков». От «гласности и перестройки» ничего существенно не изменилось, многие рабочие начали поговаривать о более решительных действиях.

С весны 1989 г. шахтёры начали выдвигать требования, связанные с оплатой и условиями труда, сопровождая их отказом от работы.

– В феврале на шахте им. 60-лет Октября (г. Осинники, Кемеровской обл.) рабочие участка №8 не выходили на работу, протестуя против уровня зарплаты и условий труда.

– С 2-го марта рабочие участка №9 шахты «Северная» (г. Воркута) в течение трех дней отказывались от работы, добившись замораживания решения о пересмотре норм и заставив выплатить положенную им премию.

– 1 апреля звено шахтёров (8 чел.) шахты «Абашевская» (г. Новокузнецк) прекратив работу не выехали на-гора.

– 3 апреля на шахте имени «60-летия Ленинского комсомола» («Гуковуголь», Ростовская обл.) 205 шахтёров участка №6 после смены отказались выходить из забоя, протестуя против резкого снижения расценок за тонну добытого угля. В этот-же день несколько рабочих (звено) на шахте им. Ленина (г. Междуреченск, Кемеровской обл.) и шахте им. Волкова (г. Кемерово) также отказались от работы.

– С 4 по 8 апреля в г. Норильске прекратили работу тысячи горняков 5-ти рудников Норильского горно-металлургического комбината, с основными требованиями вернуть существовавшие до пересмотра системы оплаты труда разряды и соблюдать нормы труда.

– С 5 по 9 апреля все подземные рабочие 5-ти рудников «Севералюбокситруда» (г. Североуральск, Свердловской обл.), прекратив работу находились под землей, пока не добились снижения норм выработки, отмены ограничений размера премии в зависимости от выполнения плана бригадой, перехода на 5-часовую рабочую неделю и увеличения отпуска в связи с вредными и опасными условиями труда.

– 28 апреля на шахте «Тайбинская» (г. Киселевск, Кемеровской обл.), после митинга 1-й смены, на котором требовали, помимо решения производственных и социальных вопросов, введения единого выходного и оплаты ночных, 2-я и 3-я смены не спустились в шахту.

Прекращали работу, также, рабочие шахт «Подмосковная» (Тульской обл.), «Лидиевка» (г. Донецк) и других – только в угольной отрасли произошло более 10 таких конфликтов.

Глубина неудовлетворённости большинства горняков страны была такова, что достаточно было маленького камушка, чтобы началась лавина шахтёрского протеста. Таким камушком стали действия рабочих шахты им. Шевякова г. Междуреченска, Кемеровской обл.

Ночная смена шахты им. Шевякова, утром 10 июля 1989 г., отказались сдать самоспасатели и аккумуляторы. К ним присоединились шахтёры остальных смен. Вечером они поехали на другие шахты города – им. Ленина, «Томская», «Усинская» и «Распадская» за поддержкой к своим товарищам по труду.

Утром 11 июля 1989 г. тысячи рабочих из всех пяти шахт города Междуреченска в черных шахтерских робах, молча, колоннами прошли по главной улице к городской площади. Начался круглосуточный митинг. К шахтёрам города присоединились трудящиеся угольных разрезов и автобаз – забастовали все 10 угледобывающих предприятий города.

Был избран городской забастовочный комитет (делегированием представителей от трудовых коллективов), который выработал и представил шахтёрам список, включавший 42 требования социально-экономического и экологического характера. Забастовочный комитет сразу же принял на себя властные полномочия. Была запрещена торговля алкоголем, созданы рабочие дружины, которые следили за порядком в городе. За время всей забастовки в городе не было совершено ни одного преступления. Алкогольные напитки можно было приобрести только с письменного разрешения забастовочного комитета.

11 июля 1989 г. началась массовая забастовка всех угледобывающих предприятий г. Междуреченска Кемеровской обл., в считанные дни, поддержанная большинством шахтёров Кузбасса и других угольных регионов страны.

Характерно, что 11 июля 1989 г. в газете «Труд», появилось интервью председателя ЦК профсоюза угольщиков, в котором он разъяснил суть, как он выразился, «ультиматума» министру Щадову. Однако этот «ультиматум» не покрывал всех требований шахтёров и давал министерству почти год на его выполнение, неудивительно, что эта попытка снять нарастающую напряженность не помогла. Горняки давно уже не верили в дееспособность профсоюзов, функционеры, которых являлись составной частью правящей бюрократией.

Когда в Кузбассе, 17 июля 1989 г., правящая бюрократия, в лице Комиссии ЦК КПСС, Правительства СССР и ВЦСПС, впервые в истории страны, была вынуждена садиться за стол переговоров с трудящимися и подписать Протокол «О согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссии ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС» от 17-18 июля 1989 г», в области уже бастовало 167 предприятий.

В Донецком угольном бассейне (Донбассе), в период с 19 по 30 июля 1989 г., бастовало 110 из 121 шахты в Донецкой обл., 52 из 93 в Ворошиловградской обл. и 11 шахт Западного Донбасса.

В Воркуте, с 20 по 26 июля 1989 г., бастовали все шахты, кроме одной, которая, но по решению городского стачкома снабжала город углем.

В Карагандинском угольном бассейне, с 20 по 23 июля 1989 г., бастовали все 26 шахт, численностью более 45 тыс. человек.

В забастовке, также, участвовали горняки Сахалина и других бассейнов. Всего в шахтёрских забастовках приняло участие более полумиллиона рабочих.

Кроме массовости уникальной шахтёрскую забастовку июля 1989 г. делал высокий уровень организованности рабочего движения. Во всех регионах события развивались по одному сценарию: горняки создавали шахтные, городские и региональные забастовочные (стачечные) комитеты, занимали центральные площади и митинговали. Рабочие дружины поддерживали, в городах и посёлках, общественный порядок. По требованию стачкомов была приостановлена торговля спиртными напитками. На шахтах шла профилактическая работа: откачка воды, поддержка выработок, забоев и т. п.

«Меня многое поразило в районах конфликта, - писал корреспондент французской газеты «Юманите» Серж Лейрак - забастовки в Кузбассе продемонстрировали настолько высокую организованность, что складывается впечатление, будто у бастовавших по меньшей мере десятилетний опыт таких выступлений. В городе и на рудниках была налажена высокая дисциплина, обеспечено соблюдение порядка, снабжение питанием...» (Правда. 1990. 26 мая).

Без преувеличения можно сказать, что это был апофеоз (высшая точка) развития общественных процессов, протекавших в Советском Союзе.

Трудящиеся, в лице шахтёров, прямыми действиями заставили правящую в стране бюрократию сесть за стол переговоров и добились от неё серьёзных уступок. Власть была вынуждена принять Постановление Совета Министров СССР N 608 от 3 августа 1989 г. «О мерах по обеспечению выполнения совместных решений, принятых правительственными комиссиями с участием ВЦСПС и забастовочными комитетами трудящихся угольных регионов страны». Некоторыми, из реализованных пунктов этого постановления, до сих пор, пользуются в России многие трудящиеся, не только занятые на добыче угля.

На прошедших 16-17 июня и 24-26 октября 1990 г. съездах шахтеров СССР произошли два исторических события:

- Впервые в СССР было выдвинуто требование заключения отраслевого тарифного соглашения, регламентирующего экономические, социальные и трудовые отношения между рабочими и работодателем (государством). Впоследствии практика заключения отраслевых тарифных соглашений получило широкое применение в России.

- Восстановлен, в форме Независимого профсоюза горняков, Всероссийский профессиональный союз горнорабочих, расформированный правящей бюрократией в 1931 г.

Необходимо отметить, что в ходе забастовки 1989 г. и впоследствии, шахтёры выдвигали, в основном, социально-экономические требования*.

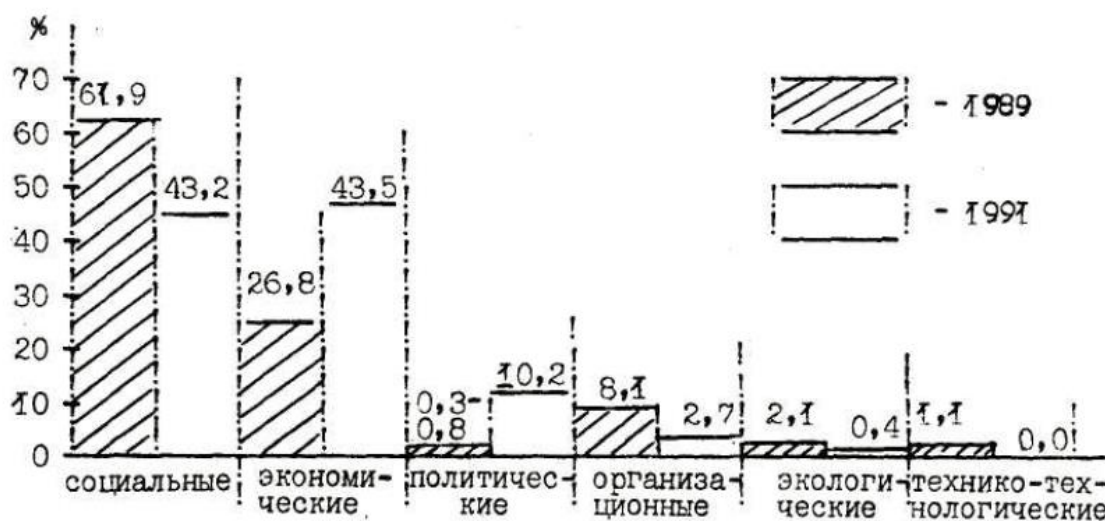

Рис. 5. Распределение требований по группам условий жизнедеятельности в документах 1989 и 1991 гг.

*- Институт социологии АН СССР. Проект «Социальная справедливость и распределительные отношения». И.П. Киселева. Чего же все-таки хотят шахтёры? 1992 С. 91.

Вместе с тем некоторые кузбасские активисты попали под влияние политиков и перенаправили, в 1991 г., энергию шахтёров в интересах отдельных представителей бюрократии, инициировавших, в борьбе за власть, развал Советского Союза.

Однако нельзя не понимать и того, что шахтёры, уже в 1998 году, «рельсовыми войнами» и многомесячным пикетом Независимого профсоюза горняков у здания Правительства России с требованием отставки первого Президента России, косвенно повлияли на его добровольный уход с поста, что повлекло постепенные изменения отношения власти к населению – власть, пусть и иногда, стала учитывать потребности большинства граждан страны.

После смены в стране общественно-экономического строя, шахтёры, как и все трудящиеся, оказались не готовы принять вызовы новых социально-экономических обстоятельств. У них, пока, недостаточно организованности, чтобы противостоять собственникам предприятий (новым капиталистам) и бюрократии, выжившей и даже выигравшей от произошедших перемен.

Осмысление произошедшего и понимание возможностей своей организованности при защите своих прав и интересов, жизненно необходимо, в настоящее время, как шахтёрам, так и другим трудящимся, занятым производительным трудом или интеллектуально полезным трудом. Иначе преобразования в стране будут происходить исключительно за счет трудящихся, с использованием их энергии, для достижения интересов элиты (высшего, относительно замкнутого слоя общества, контролирующего его основные экономические, политические, информационные и культурные ресурсы) или авантюристов, спонсируемых из-за рубежа противниками России.

Александр Сергеев.

Член городского забастовочного комитета г. Междуреченска – с 11 июля 1989 г.

Член Регионального забастовочного комитета Кузбасса – с 16 июля 1989 г.

Делегат 1-го и 2-го съездов шахтеров СССР.

Председатель Независимого профсоюза горняков (НПГ).

При подготовки статьи были использованы информация от активистов шахтёрского движения и материалы из: gosugol.ru; Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты. В.Ильин. 1998; Стачка шахтеров на Украине в июле 1989 года. А. Русначенко.1992; Институт социологии АН СССР. Проект «Социальная справедливость и распределительные отношения». 1992, а также, и иных открытых источников.

Все права защищены.

Копирование материалов без указаний активной ссылки на сайт ngr-ru.ru запрещено.

Копирование, размножение, распространение, перепечатка (целиком или частично), или иное использование материала без письменного разрешения автора не допускается. Любое нарушение прав автора будет преследоваться на основе российского и международного законодательства. Свободное и безвозмездное использование текста, ограничено использованием в личных целях и использованием в случаях, указанных в статье 1274 ГК РФ.

Нарушение вышеуказанных положений является нарушением авторских прав и влечет наступление гражданской, административной и уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством, Статья 1299 ГК РФ (Технические средства защиты авторских прав).